

— Мастерство у матери и пятой сестры отличное, — сказал Тан Шоу, глядя на ботинки на ногах у Сюн Чжуаншаня. — Стежки плотные, фасон красивый, но делать одну пару за четыре дня всё же слишком медленно.

Чжан-апо поспешила сказать:

— Это потому что мы только начали, ещё не набили руку. Как только сделаем несколько пар, скорость обязательно увеличится — станем справляться на полдня или даже на день быстрее.

Но Тан Шоу покачал головой:

— Всё равно недостаточно. С Цзинь Цзиньчэном мы договорились через пятнадцать дней поставить ему первую партию обуви. Эти ботинки затратные — требуют много труда, сил и ещё сделаны из хлопка, значит, стоят будут дорого. Только в нашем городе Юйлинь и соседних сёлах мы их не распродадим, основная продажа будет в столице.

— Если продавать в столице, — обеспокоилась Чжан-апо, — за какие-то несколько дней даже если мы с У-нян перестанем есть и пить, много не нашъём.

Она села на скамью, угрюмо опустив голову.

Тан Шоу немного подумал и сказал:

— Мы можем организовать аутсорс: разделить процесс на этапы и поручить каждой женщине по одной операции. Так они смогут работать одновременно, и дело пойдёт быстрее. К тому же нам нечего бояться: будем платить за каждую сделанную часть. Кто станет лениться — у того просто вычтем из платы.

Чжан-апо колебалась, но всё же возразила:

— Эрлан-фулан, твой способ, конечно, ускорит процесс. Но так ведь секрет изготовления этих ботинок разойдётся! Тогда кто будет работать на нас? Все сами начнут шить или продадут метод и заработают больше.

Тан Шоу рассмеялся:

— Мать всё правильно сказала. Поэтому самые важные операции мы оставим только за своими людьми. Ведь любой, кто умеет шить, взглянув на эти ботинки, сразу догадается о примерном способе изготовления. Единственное, чего они не смогут понять, — это как склеиваются слои внутренней подкладки. Я уверен, никто не догадается, что мы используем клей из муки. А уже готовое изделие, прошедшее пропитку и отбивку молотком, будет очень трудно разобрать и понять. Поэтому именно стадию склейки и окончательной формовки будем делать сами, а трудоёмкие и рутинные работы можно отдавать на сторону.

Чжан-апо резко хлопнула себя по бедру:

— Точно! Отличная идея, как это я сама не додумалась! Всё, так и поступим. Эрлан-фулан, если ты мне доверишь, я найду тебе людей — обязательно порядочных и с хорошими руками.

— Я сам не знаю деревенских мастериц, если мама возьмёт на себя это дело, я только за, — кивнул Тан Шоу.

Чжан-апо вся просияла:

— Хорошо, тогда оставь это мне, сейчас же всем расскажу. — она уже вышла за дверь, но тут снова вернулась: — Ах да, эрлан-фулан, как платить будем? Ведь каждый этап разный, и цену тоже надо устанавливать по-разному — мне нужно заранее сказать.

Тан Шоу немного подумал и сказал:

— Обшивка краёв — работа простая, делается быстро и не требует особых усилий, так что пусть будет один вэнь за десять пар. Сшивание краёв — хотя и не так трудоёмко, как прошивка подошвы, но это ключевой этап, дадим один вэнь за пять пар. А за прошивку подошвы, самую тяжёлую и утомительную работу, будем платить двадцать вэнь за пару. Так ни на одной операции особо не наживёшься, но и ни одна не будет в убыток. Что касается финального утрамбовывания, тут нужно немного силы — не обязательно, чтобы делали женщины, если у кого-то из мужчин есть желание, пусть подключаются.

— Всё поняла, значит, и людей теперь не страшно много набирать. Эрлан-фулан, не беспокойся, я пойду по деревне покличу — не меньше десяти-двадцати женщин соберу.

— Тогда полагаюсь на маму, — сказал Тан Шоу.

Отправив Чжан-апо и пятую сестру, Сюн Чжуаншань больше не мог сдерживать радость в душе — схватил Тан Шоу и хотел повалить его на кровать.

Тан Шоу испугался этого "сексуального маньяка", в панике стал колотить кулаками по его крепкой груди:

— Нельзя! Не сейчас! Мама с пятой сестрой ушли в деревню звать людей, меньше через одну палочку благовоний обязательно кто-то придёт! Ты точно не успеешь! — завопил он, размахивая руками и ногами, сам не понимая, что несёт от страха.

Сюн Чжуаншань остановился и, подумав, признал, что его супруг прав — за столь короткое время ничего не успеть, значит, придётся отложить до вечера. Впрочем, если подумать, раз его супруг так говорит, значит, действительно считает его самым сильным мужчиной в деревне в этом деле — это очень приятно.

Довольный собой, Сюн Чжуаншань кивнул, втайне гордясь своей доблестью.

Тан Шоу, распластавшись на кровати, гадал, о чём там думает этот большой глупый медведь, и лишь радовался, что ему удалось легко отделаться.

Чжан-апо действовала быстро: не прошло и половины чашки чая, как во двор уже стали приходить женщины, сопровождаемые братьями. Если кто-то из семьи ушёл продавать пироги, девушки приходили в сопровождении других родственников — никто не приходил один. Сначала Тан Шоу этого не заметил, но когда каждая женщина, сказав пару слов, трижды испуганно косилась на Сюн Чжуаншаня, стало ясно: страх они скрыть не могут.

Чтобы избежать потерь, Тан Шоу брал с них залог — у кого не хватало денег, те оставляли несколько монет и брали один этап работы, возвращая его перед получением следующего. Хоть и хлопотно, но никто не возражал.

Раздав всё сырьё для обуви, Тан Шоу так сильно замёрз, что руки и ноги стали ледяными. Сюн Чжуаншань сразу уложил его в постель и растопил уголь в жаровне.

На тюфяке у Тан Шоу была расстелена выделанная шкура дикого горного козла, добытая Сюн Чжуаншанем на охоте, и она быстро согрела его тело. Через несколько минут он почувствовал, как снизу становится тепло.

— Вот это вещь, — подумал Тан Шоу, и тут же в голове мелькнула отличная идея. Его глаза засветились от радости: — Муж, как я мог забыть! Нам надо делать не только хлопковые ботинки на тысячеслойной подошве, но и кожаную обувь на такой же подошве! Обувь из шкуры ещё теплее, да и классом выше, маленькие господа и барышни из столицы точно будут в восторге!

— Кожаная обувь на тысячеслойной подошве? — переспросил Сюн Чжуаншань. — Это действительно будет популярно. Я видел, как Чжэньбэй-ван носил кожаные сапоги, но у них подошва была тонкая — сомневаюсь, что она согревала так же, как моя обувь.

— Ну конечно, — подтвердил Тан Шоу. — У тебя под ногами несколько слоёв, а в тех сапогах один тонкий слой, холод проникает сразу.

Он задумался:

— Только вот где нам столько кожи набрать?

Договорив, он вдруг резко уставился на Сюн Чжуаншаня и сердито сказал:

— Сразу предупреждаю: получится — хорошо, не получится — тоже ладно, но тебе не разрешается снова лезть в горы на такую опасную охоту!

Сюн Чжуаншань хотел сказать, что всё нормально: за те несколько лет, что он жил один, когда становилось невмоготу, он ходил в горы на охоту, и с ним никогда ничего не случилось. Прошлый раз был просто несчастной случайностью — он всего лишь хотел добыть хорошую шкуру.

Но, понимая, что Тан Шоу проявляет заботу, он только послушно кивнул. Тан Шоу всё ещё тревожился и тайком решил: будет держать его под присмотром и ни на шаг не отпускать, посмотрим тогда, как он сбежит в горы!

— Мы можем купить шкуры, но это дорого, — сказал Сюн Чжуаншань. — Как только Цзинь Цзиньчэн снова приедет и купит у нас новую партию зубных благовоний, у нас снова будут деньги. Тогда я схожу по магазинам в уезде, посмотрю, можно ли купить шкуру. В крайнем случае потратим побольше серебра, но потом всё вернём с продажи обуви на тысячеслойной подошве. Это не задержит и изготовление новой партии благовоний.

— Точно! Так и поступим! — обрадовался Тан Шоу.

Женщины в деревне обычно подрабатывали шитьём, зарабатывая в хорошие месяцы всего десяток вэнь, а в плохие и вовсе ничего. Видя, как их мужья нашли работу, продавая пироги в городе, они одновременно и радовались, и завидовали, мечтая, что однажды и сами смогут внести вклад в семейный бюджет. И вот наконец-то подвернулась такая возможность — каждая сияла от счастья и дорожила шансом, словно сама жизнь заиграла для них новыми красками.

Даже в стылую зиму по деревне будто разлилась весенняя бодрость: встретившись, женщины первой же фразой спрашивали:

— Уже была у дома Сюн-эрлана? Сколько пар ты сегодня сделала? Сколько заработала?

А если оказывалось, что кто-то заработал больше, та, что отставала, отказывалась от еды и сна — вставала до рассвета, чтобы наверстать упущенное.

История о найме помощников в доме семьи Сюн мгновенно разлетелась по всей деревне Синхуа — и не прошло и половины дня, как о ней узнали все.

На восточной окраине деревни жила одинокая старушка. В былые времена, когда страна вела войны, её муж и сыновья были отправлены на фронт, и ни один из них не вернулся живым. Старушка осталась совершенно одна, без поддержки, в крайней нужде.

Поначалу, пока не поступили официальные известия о гибели родных, она ещё жила надеждой, каждый день выходила к окраине деревни и с замиранием сердца всматривалась вдаль, словно вот-вот увидит идущих домой мужа и сыновей. Потом пришли похорожки, одна за другой — сначала на мужа, потом на старших сыновей. Младший, как только ушёл на войну, вскоре пропал без вести. Все в деревне говорили, что его уже нет в живых, но старушка не верила.

И лишь когда Сюн Чжуаншань, отвоевавший десять лет, вернулся домой, она поняла — её младший сын действительно не вернётся. Мир в тот миг словно обрушился, и в отчаянии она решила уйти из жизни, покончив с собой.

Но когда подошла к озеру, то вдруг увидела там плывущий по течению бамбуковый лоток. В нём лежал младенец — совершенно голый, даже не прикрытый тряпочкой, с красным от слез личиком. Ребёнок горько кричал, и от солнца его щёчки стали пунцовыми.

Деревня Синхуа находилась ниже по течению, и вода быстро принесла корзину прямо к ногам старушки. Она рефлекторно протянула руки и выловила малыша из воды.

Странное дело — как только старушка взяла ребёнка на руки, тот сразу перестал плакать. Он спокойно уставился на неё своими большими чистыми глазами, в которых отразились её морщинистое лицо, голубое небо и белоснежные облака. В этот миг он был точь-в-точь как её младший сын в младенчестве.

В ту секунду у старушки словно вновь зародилась надежда на жизнь. Она поверила, что это дар от её мужа и сыновей, иначе как объяснить такую чудесную случайность? Не раньше, не позже, а именно в тот миг, когда она окончательно отчаялась и решила уйти из жизни, появился этот младенец. Значит, души её родных не позволили ей умереть, а послали к ней этого ребёнка.

Она прижала малыша к себе, словно величайшее сокровище, и отнесла домой. Уже там она обнаружила, что это вовсе не мальчик, а шуаньэр.

Впрочем, не удивительно. Издавна люди предпочитали сыновей: даже если в доме нечего есть, мальчиков всё равно растили. А если рождалась дочь или шуаньэр — их могли с лёгкостью выбросить, будто это не их плоть и кровь.

Раньше и сама старушка придерживалась таких взглядов, но после всего, что пережила, после всех утрат, ей вдруг стало всё равно. Её единственным желанием стало вырастить этого ребёнка, дать ему хорошую жизнь, найти для него доброго супруга, чтобы тот заботился и любил, и чтобы ребёнок прожил спокойную и безопасную жизнь.

Старушка не могла позволить себе купить молоко, поэтому, узнав, у кого из женщин в деревне недавно родился ребёнок, ходила к ним с просьбой покормить малыша. Её не смущало даже недовольство хозяев. Большинство всё же были добрыми: зная, какая у ребёнка тяжёлая судьба, не отказывали в глотке молока. Но со временем охота помогать угасала — в эти голодные времена даже своим детям еды не хватало, не то что чужому.

Так старушка стала ходить в более дальние деревни, чтобы выпросить молока, а когда и там не удавалось — поила малыша рисовым отваром.

Жизнь была трудной, но ребёнок выжил и постепенно подрастал. Сейчас ему уже шесть лет, а

самой старушке исполнилось пятьдесят.

Старушку звали Чжан, в деревне её называли бабушка Чжан, а мальчика — Чжан Пань, в надежде, что его будущее будет светлым.

Сейчас бабушка Чжан, держа Чжан Паня за руку, взволнованно смотрела на Тан Шоу:

— Господин Сюн-фулан, я... я тоже хочу шить обувь. Вы не посмотрите, справлюсь ли я?

Тан Шоу хоть и жил в деревне уже немало времени, но поначалу, пока было тепло, восстанавливался в доме семьи Сюн, а когда смог выйти, наступили холода — и каждый выход на улицу оборачивался замерзшими руками и ногами. Так что о людях и делах в деревне он знал немного.

Перед ним стояла старушка с сутулой спиной. Видно было, что ее жизнь полна лишений; её лицо было испещрено морщинами, а в глазах, несмотря на усилия держать их широко открытыми, застыл тусклый серый налёт.

Такой человек едва мог разглядеть окружающих — как ей шить обувь? К тому же это была обувь не для себя, где качество не столь важно, а товар для продажи в столице и, возможно, по всей империи Юй. Если качество окажется плохим, изделие неизбежно окажется списанным. Более того, если она будет плохо работать, другие мастерицы, увидев это, тоже потеряют старательность — и что тогда?

Тан Шоу уже хотел вежливо отказать, но вдруг почувствовал лёгкое прикосновение от стоящего за ним безмолвного всё это время Сюн Чжуаншаня. Движение было едва заметным, и окружающие его не заметили, но Тан Шоу почувствовал его очень ясно.

Слова уже были на языке, но Тан Шоу всё же изменил решение:

— Можете попробовать, — сказал он. — Но сразу скажу: если работа будет некачественной и вы испортите материалы, залог я вам не верну.

Бабушка Чжан неуверенно переспросила:

— Нужно оставить залог?

— Разумеется. Материалы для обуви недешёвые, а товар предназначен для продажи. Я не могу сам нести убытки из-за ваших ошибок. Если согласны — оставляйте залог, я выдам вам набор для пробной работы. Если справитесь — продолжите получать заказы, нет — увы, работать у меня не получится.

Сжав зубы, бабушка Чжан обшарила себя с головы до ног и, наконец, нащупала одну медную монету, которую протянула Тан Шоу. Когда Тан Шоу принял монету, глаза старухи словно приклеились к ней, не в силах оторваться.

— Вот, — сказал Тан Шоу, — сделайте обшивку, это будет стоить два вэня.

Но бабушка Чжан не взяла обувную заготовку, вместо этого указала в сторону и неуверенно произнесла:

— Я... я могу сделать подошву.

Обшивка стоила дешевле, а за подошву платили больше; хотя работа была куда кропотливее и требовала гораздо больше времени, но и оплата за неё была выше, поэтому молодые женщины в деревне предпочитали шить подошвы.

Тан Шоу взглянул в глаза старухе и выбрал для неё задание с наименьшими потерями.

— Сначала сделайте обшивку. Если будет аккуратно и шов получится ровным и плотным, тогда позволю вам шить подошвы.

— То... тогда хорошо, — пролепетала бабушка Чжан, приняла материалы для работы и, взяв за ручку маленького внука, ушла.

Только когда они ушли, Сюн Чжуаншань объяснил тяжёлую судьбу бедной старухи. Закончив рассказ, он заметил, что Тан Шоу уставился на него не отрываясь, словно ища подвоха. Сюн Чжуаншань на миг опешил.

— Что такое? Я что-то не так сказал? — спросил Сюн Чжуаншань.

Тан Шоу, улыбнувшись, покачал головой:

— Нет, просто я вдруг понял, что, похоже, совсем не так хорошо тебя знаю, как думал. — Этот человек, с холодным и жестким нравом, казался ему безжалостным, но теперь он увидел в нём и другую, мягкую сторону.

В этот момент Сюн Чжуаншань наконец осознал, о чём речь, и с беспомощной улыбкой покачал головой:

— Фулан, я лишь хотел дать ей шанс. Не хотел отнимать у неё надежду ещё до того, как она хотя бы попробует. Я всего лишь предоставил ей возможность проявить себя. А если уж её мастерство действительно окажется плохим, тогда даже если она встанет на колени и будет молить меня, я всё равно не возьму её работу.

— Это наш семейный бизнес, — продолжил он, — это наша опора в жизни. Если из жалости к ней мы погубим своё дело, лишимся той хорошей жизни, которой могли бы достичь, и вновь окажемся в нищете, вынужденные терпеть голод, холод и страдания, а однажды, быть может, опустимся до её нынешнего положения, — тогда что нам останется? Кем мы станем сами, если ради неё принесём всё это в жертву?

Тан Шоу не был святым, не обладал духом самопожертвования, как Будда, кормивший орла собственной плотью*. Он был готов помогать другим в пределах своих сил, но если чужие ожидания выходили за рамки его возможностей или серьезно ущемляли его интересы, он неизбежно начинал задумываться. Поэтому с мыслями Сюн Чжуаншаня он полностью соглашался.

(ПП: это отсылка к легенде о том, как Будда в одной из своих предыдущих жизней, будучи царём Саподой, отрезал кусок своей плоти и отдал голодному орлу, чтобы спасти голубя.)

<http://bllate.org/book/13592/1205363>